Характер, воплотивший время

Даниил Храбровицкий

«Проблема номер один — поиск героя, создание характера нашего современника»...

Сколько раз и сколькими моими коллегами были повторены эти слова. И все-таки я начну именно с них — с проблемы номер один. Не потому, что, как это принято часто говорить, я чувствую себя в долгу и т. д. и т. п. Нет, все, что я прежде делал в кинематографе и делаю теперь, вплотную связано с нашим временем и его тревогами. Работа над современным материалом, на мой взгляд, дает самую глубокую почву и самые широкие просторы для размышлений, споров, поиска. Я начал со слов о характере нашего современника потому, что сейчас они исполнены для меня особого содержания: именно о своем современнике я и снимаю картину. Об ученом-ракетчике Андрее Башкирцеве.

Как бы увлекательно это ни представлялось, мне не хотелось отталкиваться в работе над сценарием и над фильмом от тех или иных прототипов. Мне хотелось, чтобы прежде всего родился характер, вобравший в себя время. Не временную сиюминутность, модель какого-то мгновения, а Время в его широчайшем, существеннейшем охвате. Характер, который бы качественно менялся в соответствии с течением времени. При этом герой должен оставаться не ходульно-положительно-скучным носителем прописных истин, а живым человеком со всеми его неизмеримыми достоинствами и трудными недостатками. А главное — суть героя, его человеческую ценность — определяет итоговый баланс, то есть тот след, который оставлен на земле этим человеком.

Вокруг нас множество людей. Они всюду — в метро и трамвае, на улице и в магазинах, на работе и в зале театра. В этом разноликом калейдоскопе можно встретить самых разных людей — дурных и добрых, обычных и необычных, близких и далеких. Все можно отыскать в людской гуще, но я не уверен, что любой персонаж, выбранный художником, способен со всей полнотой выразить современный характер. Потому что такой характер, обладатель такого характера должен быть личностью, влияющей на общественный прогресс.

Создание такого характера неимоверно трудно: так называемая «положительность» нередко лишает образ жизненных, доверительных черт, даже простой убедительности,

а ведь для нас важнее всего, чтобы герой и зритель не расстались на пороге кинотеатра после окончания сеанса.

Все начинается с чистого листа, на котором постепенно возникает как бы чертеж — пунктирно обозначенный характер, в котором непременно выделена доминирующая его черта, она и определяет поступки героя, его взгляды, взаимоотношения, мир его чувств.

Так начинался и Андрей Башкирцев, которому сейчас посвящены все мои мысли. В характере этом приметней всего одержимость. Башкирцев на всю жизнь нацелен в одном определенном направлении, только и только в одном. Одержимость его особого рода: Башкирцев движется напролом, по прямой, единственно возможной для него дороге. Возникают, естественно, препятствия, не выдуманные, а истинные, в которых проявляется характер, вынашиваются принципы, растет убежденность в них. В фильме об Андрее Башкирцеве будет рассказано не в одном или нескольких эпизодах из его жизни и даже не на каком-то длительном и все-таки лишь отдельном отрезке времени. Мы взяли всю жизнь Башкирцева. Где-то, у самого своего финиша, как киноленту, прокручивает ее Башкирцев в своей памяти, и его история точно освещена его взглядом в прошлое.

Судьба Башкирцева нерасторжимо связана с судьбой нашей страны.

Тридцатые годы. Перелеты Чкалова, Громова, Коккинаки. Мировые рекорды советских летчиков. И юный Андрей Башкирцев загорается мыслью о создании самолета, способного перекрыть все уже поставленные рекорды. Он задумывается над прообразом нашего нынешнего реактивного самолета. Ему не удастся до конца довести свой замысел, это будет дано другим. Но Андрей Башкирцев был среди тех, кто начинал это великое дело.

Он постоянно занят тем, что именно в этот момент нужно нашей стране. В годы войны Башкирцев, не имевший ранее прямого отношения к реактивным установкам, занят их серийным выпуском, потому что его знания, талант, воля нужны сейчас в этой области.

Но приходит и его время — время его ракеты. Прежде чем осуществить мечту своей юности, он работает над ракетами оборонного значения. Две трети этой работы осуществлены. И именно в этот момент Андрей Башкирцев находит в себе мужество совершить главный подвиг своей жизни: остановить все работы и предложить совершенно новый вариант. Он убеждает всех — как это ни трудно — в целесообразности своего поступка. Он заставляет всех — как это ни невероятно — поверить в перспективность своего предложения. И создает ракету, пригодную для решения любых задач. Ту Ракету, которая позволила нашей стране вырваться вперед в исследовании космоса, запустить первый искусственный спутник, послать в космос первый корабль.

Всю жизнь Башкирцева как будто отвлекали от главного. Но он неизменно творчески возвращался к этому главному, потому что он активен в мыслях, в стремлениях, он осознанно, целенаправленно активен. И потому совершает Свое Главное.

Башкирцев — счастливец. Я убежден в этом. Он счастливец в отличие, например, от Гусева из «Девяти дней одного года». Гусев в своем поиске успел испытать только один, причем не оправдавший себя вариант из ста возможных, как он сам считал. Гусеву оставалось испробовать еще девяносто девять. Но времени на это у него не хватило.

Башкирцев же успел испытать все девяносто девять и прийти к своему сотому — верному. Причем он сделал это не только в силу своего характера, своих личных качеств (что тоже очень важно), но ему еще и необыкновенно повезло. Вспомним Циолковского, резко опередившего свое время, чьи гениальные прозрения не могли быть практически воплощены, ибо не совпадали с тогдашним уровнем техники и развитием технической мысли тех лет. Башкирцев точно пришелся к своему времени, зрелость его таланта совпала со зрелостью государства, с эрой космоса, когда запуск спутников постепенно становился почти повседневностью, и сегодня мы воспринимаем подобное событие как нечто обязательное и привычное.

В этом Башкирцеву безусловно повезло. Его талант, смелость, одержимость, мечта имеют реальные опоры. Но эти же черты и качества определили и другую сторону его жизни, по-своему сломав его судьбу.

Да, он человек, целиком, с головой отдающий себя своему делу.

Я пробую представить этого одержимого человека влюбленным. Влюбленным с теми же силой и страстью, с какими он отдает себя работе. Но влюбленный Башкирцев ничего бы в своем главном деле не осуществил. Любовь заняла бы все его помыслы, он стремился бы постоянно быть с любимой, быть рядом, слышать и видеть ее. Такова абсолютная цельность его характера.

В судьбе Башкирцева складывается обратная ситуация. В ранней юности в него влюбляется девчонка, которую он не воспринимает всерьез, не обращает на нее внимания, словом, ничуть не задумывается о ней. Девочка вырастает, становится взрослой женщиной и уходит от Башкирцева, понимая, что главное в его жизни — работа. «Работа — твоя великая радость,— говорит она Башкирцеву. — Работа — твой крестный путь...» Она знает, что нужна и не нужна ему на этом пути.

Но как бы ни были прекрасны дорога и доля Башкирцева, приходит день, когда он понимает: человек не может быть один. Ему не хватает этой женщины. Так возникает трагической остроты конфликт, обусловленный все тем же сильным и сложным характером.

Они соединяются. Но ушли годы, почти ушла жизнь.

А прожил жизнь Башкирцев, на мой взгляд, все-таки счастливо...

Он не исключителен при всей исключительности своей натуры. Дело в том, что в его истории, в его жизненном пути в полный голос выявило себя Время, соединились характерные черты эпохи, сформировавшие эту личность. В другое время, вероятно, он мог бы прожить свою жизнь по-другому. И оттого так значителен — в масштабах истории всего нашего общества — его жизненный итог.

Я глубоко убежден в том, что путь, по которому я сейчас иду в поисках современного характера, далеко не единственный. Иначе было бы тоскливо жить и работать в искусстве.

Мне думается, что в недалеком будущем мы будем свидетелями рождения в нашем кинематографе нового жанра — научно-фантастического в полном смысле этого слова. Качественно нового, потому что сегодня научно-техническая революция ставит перед человеком качественно новые философские и нравственные проблемы. Не случайно по этой же причине так велик нынешний приток научно-фантастической литературы и все растет интерес к ней.

А кинематограф был всегда неотделим от литературы и не может теперь оставаться в стороне от этого жанра. Открытия кинематографа могут быть здесь очень интересными (если не подведет техническая база, оставляющая желать много лучшего, особенно для съемок такого рода).

Мы, к сожалению, уходим в сторону в разговоре о современнике и от такого серьезного материала, какой могли бы дать даже фильмы о любви. Но не любви как гарнира к лежащему в иной сфере конфликту. Я имею в виду фильмы — исследования человеческих отношений. Тяга зрителей к подобным картинам огромна. Но сегодня у нас, к сожалению, нет настоящих картин о любви, таких картин, которые глубоко раскрывали бы сложную психологию современного человека. Кинематографисты как будто стыдятся ставить такие картины, считая их третьим сортом в кинорепертуаре.

Наконец, есть еще одна область кинематографа (лично для меня особенно притягательная), которая, по-моему, должна занять в ближайшем будущем едва ли не главенствующее место. Мы обязаны делать политические фильмы. Интерес к такого рода картинам во всем мире сейчас огромен. Если исходить даже из статистических данных, то известно, что самые большие сборы дают сейчас на Западе острополитические фильмы, положившие на обе лопатки популярнейшие детективы, сексфильмы и прочее.

Мы много говорим о судьбах нашего советского политического фильма, но практически касаемся этой задачи весьма робко. Мы говорим, агитируем друг друга и... почти ничего не делаем. В то время как нам должно быть дело до всего, что происходит в том и нашем мире, до борьбы, идущей по всей планете. От нас, советских кинематографистов, ждут в этом плане больше, чем от кого бы то ни было.

Сегодня нам остро необходимы художественные фильмы, осмысливающие и трактующие события, происходящие в самых горячих точках земли. Безусловно, каждый наш социально значительный фильм, пусть и связанный с внутренними нашими проблемами, можно по праву отнести к фильмам политического направления. Снимая, в частности, фильм об ученом Андрее Башкирцеве, мы верим, что он тоже будет восприниматься и в таком ракурсе. Но я сейчас имею в виду фильмы, затрагивающие мировые проблемы в самом прямом смысле. Мы должны сегодня говорить об империалистической агрессии как самом страшном и аморальном явлении в истории человечества, о расизме, о кровавых злодеяниях военных преступников в годы второй мировой войны. Круг этих тем широк, и жизнь каждый день вносит в него что-то новое. Мы должны снимать также картины так, чтобы экран не просто констатировал факты, а выражал позицию партийного художника, советского человека.